

M. A. K. Halliday. Intonation and grammar in British English.—The Hague—Paris, Mouton and Co, 1967. 61 стр.

Число книг и статей монографического характера, описывающих английскую интонацию, крайне велико и многообразно¹. Большинство из них достаточно подробно освещалось в нашей лингвистической литературе²; специалисты по английскому языку имеют о них вполне законченное представление. Новая книга известного английского лингвиста М. Хэллiday — тоже книга по английской интонации. Однако ее лингвистическая установка несколько иная: в соответствии с названием автор пытается соотнести данные просодии и грамматики. В целом при анализе данной монографии различается пять аспектов: 1) как соотносится просодия и грамматика?; 2) в чем специфичность предложенного описания — а именно: есть ли это описание английской и только английской просодии или полученные данные применимы и к другим языкам?; 3) какова предлагаемая система единиц просодического описания?; 4) что нового вносит данная работа в известные уже ранее сведения по английской просодии?;

5) чем характеризуется просодическая система, описанная именно как британский вариант английского языка (см. разнобразные описания американского варианта английской интонации)³.

В настоящей рецензии мы будем касаться лишь первых трех аспектов как имеющих общелингвистическое, а не локально языковое значение.

К проблеме содержания М. Хэллiday подходит через форму, в которой манифестируется просодия, автор описывает и анализирует, не обращаясь непосредственно к функциям, и лишь описав форму окончательно, просцирует полученные данные на анализ синтаксических категорий. Первая часть книги и есть описание формы.

М. Хэллiday выделяет четыре просодические единицы. Это — тоновая группа, стопа (foot), слог и фонема. Единицы эти иерархичны: элементы высшего уровня складываются из элементов низшего уровня.

Стопа — минимальная единица английского ритма, имеющая структуру в виде двух элементов — иктуса (в начале стопы) и «разрядки» (remiss). Эти два места заполняются низшими единицами — слогами, которые в свою очередь разделяются на слабые слоги и слоги подъема (salient). Слог подъема формирует иктус, слабые слоги — разрядку. В определенных позициях (после паузы, например) иктус может быть не представлен в системе, т. е. быть нулевым. Полная стопа, по определению М. Хэллiday, — это стопа с ненулевым иктусом.

Общая формула стопы, таким образом, следующая: $I(P_1, \dots, n)$, где каждое место занимает один слог. I — иктус, P — разрядка. Минимальный объем стопы представлен в том случае, когда в нее входит лишь один слог подъема.

В свою очередь стопа входит в состав тоновых групп. Тоновые группы также состоят из двух элементов — тоника и претоника. Тоник обязателен, претоник факультативен. И тоник, и претоник состоят из стоп (одна стопа и более). Однако тоник в тоновой группе бывает только один (в особых случаях может быть двойной тоник), в отличие от иктусов, которых в тоновой группе может, таким образом, быть несколько.

Общая формула тоновой группы следующая: $(I_1 \dots n) T (2 \dots n)$ или $(I_1 \dots n)$

¹ См. хотя бы работы последних десятилетий: R. S. Wells, The pitch phenomena of English, «Language», XXI, 1, 1945; St. S. Newman, On the stress systems of English, «Word», II, 1946; K. L. Pike, The intonation of American English, Ann Arbor, 1947; W. Yassam, Intonation of conversational English, Wrocław, 1952; N. Chomsky, M. Halle, F. L. L. off, On accent and juncture in English, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956; W. R. Lee, English intonation: a new approach, «Lingua», 5, 1956; R. Kingdon, The groundwork of English intonation, London — New York — Toronto, 1958; M. Schubiger, English intonation, its form and function, Tübingen, 1958; W. R. Lee, An English intonation reader, London, 1960; A. V. anvik, On stress in present-day English, Bergen — Oslo, 1961; J. D. O' Connor, G. F. Arnold, Intonation of colloquial English, London, 1961; W. S. Allen, Living English speech. Stress and intonation, London, 1963; H. Kurath, A phonology and prosody of modern English, Heidelberg, 1964; G. L. Trager, The intonation systems of American English, «In honour of D. Jones», London, 1964; H. Wode, Englische Satzintonation, «Phonetica», 15, 3—4, 1966, а также специальный сборник Исследования по английской интонации, М., 1964.

² См., в частности: Е. А. Гликина, Обзор работ по английской интонации, «Ин. яз. в шк.», 1965, 3; Н. С. Дементьева, Интонация английского разговорного языка. «Уч. зап. кафедры иностранных языков Куйбышевского ГПИ», 57, 1968.

³ Еще не так давно эти различия британского и американского вариантов не были очевидны; напротив, считалось, что интонации их идентичны (см. об этом: H. Klinghardt, Amerikanische Aussprache und Intonation, «Die neueren Sprachen», XXXIII, 1925).

$T(2...n) T(2...n)$, где каждое место занимает одна стопа. Π — претоник, T — тоник.

Из сказанного очевидно, что в каждой из трех описанных единиц есть свой ударный элемент. Это — тоник для тоновой группы, интус — для стопы и слог подъема — для слогов. Таким образом, ударный элемент тоновой группы — тоник — представлен в составе трех единиц, а именно: 1) тоник (tonic) — элемент тоновой группы; 2) тоническая стопа (tonic foot) — первая стопа в тонике; 3) тонический слог (tonic syllable) — первый слог подъема в тонической стопе (стр. 13). Последние два элемента в просодической литературе обычно принято называть ядром (nucleus).

Тоновая группа может быть очень мала — ср., например, $//no//$ только с одним тоническим слогом, и очень велика, с претоником и двойным тоником: ср., например, $//I/think\ the\ rabbit\ was/more/prominent\ than\ they\ int/ended\ it\ to/be\ as\ a/\ matter\ of/\ fact$ (стр. 15).

Наиболее интересным понятием в системе просодических единиц, предложенной М. Хэллдеем, является понятие стопы. В данном толковании оно восходит к Д. Аберкромби⁴, заимствовавшему его из стихосложения (метрики). Основная особенность стопы — изохронность. Число ударных слогов равно числу стоп, число же безударных слогов может быть разнообразным. Так, известная строчка *This is the house that Jack built* разлагается на четыре стопы: $/This\ is\ the/house\ that/Jack/built$. В речи слог не имеет абсолютной длительности, а время его произнесения зависит от числа слогов в стопе. Таким образом: 1) длительность слога не зависит непосредственно от ударения или от качества гласной; 2) стопа не определяется (так же непосредственно) словесными связями⁵. Это непрямоe соотношение стопы и слогов отличает, по мнению Д. Аберкромби, английский язык. М. Хэллдей также подчеркивает ритмическую примарность именно стопы, а не слога.

Существенным компонентом лингвистического мировоззрения М. Хэллдея является идея тонкости (delicacy)⁶ модели-

рования лингвистических фактов. В соответствии со степенью этой тонкости им различаются первичные и вторичные описания для всех языковых уровней. Эти же два яруса в предлагаемом описании выделяются им и для просодических фигур. Типы движения тона (первичного и вторичного), и их графическая и символическая нотация подробно описываются в книге.

Все описанные выше просодические единицы рассматриваются автором через призму трех автономных систем — тональности (tonality), тоновости (tonicity) и тона (tone). Тот или иной выбор единиц внутри каждой из этих систем интерпретируется М. Хэллдеем на содержательном уровне.

Тональность — это членение высказывания на тоновые единицы, определение числа этих групп. М. Хэллдей рассматривает возможность различной интерпретации предложения в зависимости от принятой тональности и делает это в применении к основной минимальной синтаксической единице — clause⁷. Тот случай, когда число этих синтаксических единиц соответствует числу тоновых групп, М. Хэллдей считает «нейтральным», а «маркированными» случаями — те ситуации, когда тоновая единица превышает синтаксическую, как, например, в случаях условных предложений: $//it's/all\ right\ if\ you're/photo/genic/what/happens\ if\ you're/\ not\ //$ или, напротив, когда тоновая единица оказывается меньше синтаксической, например $//they\ can/change/overnight/then\ //\ into\ something\ completely/different//$ ⁸.

Тоновость — это расположение тонического слога (см. выше), расположение в каждой тоновой группе тоника и претоника⁹. Тоновость некоторым образом связана с тональностью, однако при константной тональности тоновость может меняться. Для тоновости также определяется нейтральное состояние. Нейтральной считается та ситуация, когда тоническим оказывается последний лексический элемент данной грамматической структуры, чаще всего — просто последнее значащее слово тоновой группы. Например (тоник выделен): $//I\ very\ often/meet\ him\ in\ the/\ square//$. «Маркировано» отклонение от нейтральной ситуации, осуществляющееся в двух планах: 1) отмечен не последний

⁴ D. A b e r c r o m b i e, Syllable quantity and enclitics in English, в кн.: D. A b e r c r o m b i e, Studies in phonetics and linguistics, London, 1965, стр. 28—30.

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ Общетеоретическому определению этого понятия, роли сознательной установки на тонкость описания в лингвистическом моделировании уделяется много места в статье М. Хэллдея об основных категориях грамматики (M. A. K. H a l l d e y, Categories of the theory of grammar, «Word», 17, 3, 1961). Рецензируемая книга теоретически опирается на положения данной статьи.

⁷ К сожалению, этот простой и ясный термин не нашел общепринятого эквивалента в нашей лингвистике. «Несамостоятельное предложение в составе сложного предложения» — так громоздко и приблизительно переводится обычно этот термин.

⁸ Семантическая значимость такого членения многократно подчеркивалась для разных языков, для русского языка — А. Н. Гвоздев и Е. А. Брызгуновой.

⁹ Проще говоря, это место мелодического центра.

значачий элемент /it/may be that it's/, 2) отмечен последний, но лексически несамостоятельный элемент — /what/happens if you're/not/.

Последняя система — тон — характеризует тип движения тона внутри тоновой группы. М. Хэллiday выделяет всего пять основных тонов, распределяющихся следующим образом: 1) нисходящий — низкий; 2) восходящий — высокий; нисходяще-восходящий — высокий; 3) восходящий — средний; 4) нисходяще-восходящий — средний; 5) восходяще-нисходящий — низкий¹⁰. Тоновые контрасты (М. Хэллiday рассматривает их парадигматически, противопоставляя их парно) описываются им на фоне трех типов предложения — вопросительного, повествовательного и повелительного. Интерпретация этих тоновых контрастов дается им на содержательном уровне, анализом которого мы займемся ниже.

Таковы, изложенные кратко принципы формального описания просодии предложения, представленные М. Хэллiday. Легко заметить, что в соответствии с распространенной англо-американской традицией М. Хэллiday под интонацией понимает только мелодику, что, как неоднократно писалось, упрощает и обедняет просодическую картину языка.

Гораздо сложнее и принципиальнее другая, неформальная сторона проблемы — отношение просодических и непросодических фактов языка. Членение мелодики на дискретные единицы, как уже было сказано, производит М. Хэллiday без обращения к их функции и значению, лишь во второй части книги он показывает, какие смысловые изменения формируются выбором тех или иных просодических решений, т. е. переходит от формы к функции. Представляется, однако, что сама возможность такого решения — членения на дискретные единицы явления, самого по себе недискретного в своей первичной заданности, — иллюзорна (если не корректировать такое членение оглядкой на функцию). Соотнесение единиц субстанций и единиц содержания — обычно взаимный процесс: мы можем говорить о функционировании лишь тех единиц, которые нами уже выделены, и наоборот — говорить о существовании в языке тех содержательных единиц, которые имеют соответствия на формальном уровне. В этом смысле можно лишь приветствовать настойчивое подчеркивание

самим М. Хэллiday идее зависимости лингвистического описания от избранной (сознательно!) исследователем степени тонкости моделирования.

Однако для того чтобы попытаться оценить предложенные в данной книге типы отношений «интонации» и «грамматики», необходимо более подробно остановиться на этих фундаментальных понятиях в их отношениях друг к другу. При этом очевидно, что оба эти понятия в современной интерпретации достаточно расплывчаты. Так, грамматика из узкой области языкознания — чаще всего это просто морфология, иногда еще и синтаксис — стала по существу безбрежной сферой языкового существования, к которой относят теперь все релевантные для языка противопоставления. То же можно сказать и об интонации. Для многих исследователей интонация — комплексное явление, включающее мелодические, временные, акцентные характеристики. Но если понимать под интонацией только мелодику, как это делает М. Хэллiday, то необходимо заметить, что интонация предложения, излагаемая М. Хэллiday, не во всем совпадает с принятым вычленением синтаксически значимой части из всей просодии фразы. Так, как видно из приведенного выше описания, для Хэллiday значима вся мелодика предложения, вся просодия подлежит описанию, членясь на тоновые группы с указанным внутренним членением. Однако неоднократно говорилось о синтаксической значимости только определенного участка звучащей фразы — последнего слога — носителя ударения и окружающих его слогов¹¹.

Само соотношение интонации и значащей стороны языка (мы пока сознательно избегаем слова «грамматика») имеет свою историю. Понимая грамматику более узко, С. И. Карцевский наиболее категорически отрицал их связь¹². При этом он признавал за интонацией право быть показателем своих собственных специфических значений (градации, контраста и т. д.), которые, в его понимании, не являлись грамматическими. О случайном соотношении грамматики и интонации писал А. М. Пешковский, Д. Л. Боллингер¹³.

Что касается специальных работ, посвященных отношению интонации и грам-

¹⁰ Эта система тонов в целом соответствует именно английской, а не американской шкале различения тонов. О'Коннор и Арнольд, не расходясь во взглядах с Хэллiday, не различают только по уровню восходяще-нисходящий тон, зато вводят нисходящий высокий. Таким образом, общее число тонов у них то же (J. D. O'Connor, G. F. Arnold, *Intonation of colloquial English*, London, 1966).

¹¹ Специально на материале английского языка этот вопрос рассматривался М. Шубигер (M. Schubiger, *Notes on the intonation of coordinate sentence and syntactic groups*, «English studies», XXXIV, 6, 1953).

¹² S. K. arc ev sk ij, *La phonologie de la phrase*, TCLP, IV, 1931.

¹³ А. М. Пешковский, *Интонация и грамматика*, в кн.: А. М. Пешковский, *Избр. труды*, М., 1959; D. L. Bolinger, *Intonation and grammar*, «Language learning», VIII, 1—2, 1957—1958.

матик, авторы которых признают их какое-то соответствие, то их можно разбить на две группы, различаемые по типу соотношений: 1) работы, изучающие соответствия между просодией и грамматикой на несодержательном уровне, 2) работы, изучающие их соответствия на содержательном уровне.

О соответствиях на несодержательном уровне можно говорить в том случае, когда анализу подлежит сам факт совпадения / несовпадения каких-либо просодических и непросодических единиц. Например, к этой группе можно отнести многочисленные наблюдения о частном совпадении границ просодических групп и границ синтаксических групп¹⁴. Само констатирование этих совпадений и является основным выводом исследователя. Такова по типу и специальная работа Д. Л. Боллинера, посвященная совпадению особых «выделенных» временных характеристик внутри фразы и морфем определенного типа (т. е. одни морфемы произносятся быстрее, другие медленнее)¹⁵. О фиксированном соотношении акцентной выделенности и принадлежности слова к определенному синтаксическому классу пишет в работе по английской фразовой интонации Х. Воде¹⁶.

О соответствиях на содержательном уровне можно говорить в тех случаях, когда интонационные и грамматические единицы соотносятся не непосредственно, а «через значение». Однако и эта общая выделяемая для них содержательная часть может принимать разное воплощение, т. е. может варьироваться сама система отчета, через которую описываются единицы интонации.

Чаще всего интонацию предложения сопоставляют с так называемым общекоммуникативным значением предложения — вопросительностью, повествовательностью, восклицательностью и /или повелительностью¹⁷. При этом часто оказывается-

ся, что генетически разнородные языки мира часто имеют удивительно сходную интонацию¹⁸. (Сходство это обычно приписывается физиологии, но, может быть, частично оно зависит и от подхода?)

Другой содержательный подход имеет место тогда, когда те отношения, которые передаются просодическими средствами, рассматриваются как значимые отношения между синтаксическими единицами — т. е. когда единицей просодии — интоной — объявляется единица отношения¹⁹ (чаще всего при этом интонация изучается комплексно, а не только как мелодика). При этом формируются осязаемые на слух различия интоном, некоторые из которых могут быть названы — перечисления, противопоставления, пояснения и т. д. Однако при этом существенно осознавать, что число реальных интоном гораздо больше и давать им такие семантически ясные «названия» необходимо с большой осторожностью. Близость таких выделяемых «смыслов» типа только что указанных к некоторым синтаксическим отношениям, выражаемым сегментно (скажем, в сложноподчиненных предложениях) и дает иногда ряду исследователей основания делать излишние категорический обратный вывод — что каждому синтаксическому отношению непременно должно соответствовать просодическое.

Быть может, уместно в данном случае сделать несколько неожиданное предположение о принципиальной смысловой неоднородности синтаксических отношений в том аспекте, что одни типы синтаксических смыслов более прямо соотносятся со смысловыми отношениями, передаваемыми интонацией, а другие не соотносятся с интонацией никак. Возможно, именно это и хотел сказать А. М. Пешковский, говоря о том, что интонация «блуждает по поверхности языка».

Те содержательные стороны интонации, о которых только что говорилось, на наш взгляд, бесспорно относятся к языковой стороне речи, к микролингвистике. Высказывалось в этом смысле мнение о том, что «просодия и синтаксис — комплексные аспекты структуры предложения. Вместе это — грамматика пред-

¹⁴ См., например: В. Bloch, J. M. Cowan. An experimental study of pause in English grammar, «American speech», XXIII, 2, 1948. Частое совпадение просодических границ и границ простого несамостоятельного предложения, находящегося внутри сложного (clause), дало основание Л. Халлену вообще говорить о грамматической функции просодии как о свойстве быть грамматикой таких несамостоятельных предложений (L. S. Hultzen, Grammatical intonation, в сб. «In honour of D. Jones», London, 1964).

¹⁵ D. L. Bolinger. Length, vowel, juncture, «Linguistics», 1, 1963.

¹⁶ H. Wode, Englische Satzintonation, «Phonetica», 15, 3—4, 1966.

¹⁷ H. W. Wodarz, Satzphonetik des Westlächischen, Köln, 1963; отчасти: Т. А. Канышева, К вопросу об интонации и грамматике, «Законы семантического развития в языке», М., 1961.

¹⁸ I. A. A. be, Intonational patterns of English and Japanese, «Word», 11, 3, 1955.

¹⁹ См. Т. М. Николаева, Интонация сложного предложения в славянских языках, М., 1969; И. Г. Торсуева различает две принципиально разные единицы — интоном и супраинтоном. Более подробно см.: И. Г. Торсуева, Определение языковых функций компонентов интонации, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», 37, 1967; е. е. же, Дискретный характер интонации и возможности ее типологического изучения, там же, 42, 1968.

ложения»²⁰. В этом отношении они находятся в компенсаторной зависимости и взаимопереводимы, существуют даже работы по анализу взаимопереводимости сегментных и суперсегментных элементов в разных языках, т. е. когда сегментным единицам одного языка соответствуют суперсегментные единицы другого языка²¹.

В английской лингвистической традиции под той значащей системой с которой соотносятся единицы просодии, понимается нечто принципиально совсем иное. Наиболее точно это было впервые сформулировано К. Пайком: «В английском языке значение интонации модифицирует общее (лексическое) значение предложения, добавляя к нему отношение говорящего»²². Т. е. интонация в первую очередь модальна. Как пишут вслед за Пайком Дж. О'Коннор и Г. Арнольд, — «интонация выражает отношение говорящего к той ситуации, в которой он находится»²³. Так, судя по данным, которые эти авторы приводят, тоновая характеристика № 1, например, в утвердительных предложениях выражает спокойное, равнодушное высказывание, в специальных вопросах — прямо категорическое, нелюбезное, порой, враждебное произнесение, в общих же вопросах — такое произнесение имеет целью скорее поставить на обсуждение какое-то предложение, чем получить требуемый ответ, и т. д.²⁴. На подобном пути стоят многие авторы²⁵.

Естественно, что для передачи общего отношения говорящего к ситуации релевантной оказывается вся фраза, даже ее начальный этап — важна та тональность, с которой человек начинает говорить.

²⁰ H. Kurath, A phonology and prosody of modern English, Heidelberg, 1964, стр. 126.

²¹ M. Schubiger, English intonation and German model particles. A comparative study, «Phonetica», 12, 2, 1965; D. L. Bolinger, English prosodic stress and Spanish sentence order, «Hispania», 37, 2, 1954.

²² K. L. Pike, The intonation of American English, Ann Arbor, 1947, стр. 21.

²³ J. D. O' Connor, G. F. Arnold, Intonation of colloquial English, London, 1966, стр. 2.

²⁴ С. А. Берлин различает в этом плане для интонации речевые (с эмфатической функцией) и грамматические модели (С. А. Берлин, Интонационное оформление речевых и грамматических моделей, «Уч. зап. [Пермского ГПИ]», 46, 1967).

²⁵ Именно об этой английской традиции рассматривать интонацию как модально-эмоциональную говорит Г. Хаттар, различая для интонации две функции — референционную и эмоциональную (G. Hutter, Two functions of the prosodies in speech, «Phonetica», 18, 1968, 4).

Таким образом, речевые характеристики, обычно признаваемые паралингвистическими или психологическими, признаются здесь собственно лингвистическими. Понятие грамматики распространяется таким образом на все вообще значимое в языке.

Справедливость или несправедливость такого «лингвистического» включения субъективного отношения в язык мог бы, на наш взгляд, подтвердить некий эксперимент. Книга О'Коннора и Арнольда настолько детальна, что по ней можно синтезировать мелодию фраз без оглядки на язык (взяв за образец схемы распределения тонов); не исключено, что передаваемые значения универсальны, и описываемая интонация не есть собственно интонация английская, а общечеловеческая интонация гнева, сарказма, любезности, меланхоличности, мягкого возращения и т. д.

Многое из сказанного об английской традиции можно отнести и к книге М. Хэллiday, к которой мы сейчас возвращаемся. Как видно из анализа первой части, в предлагаемом им описании формы нет ничего специфически английского — и другие языки знают синтагматическое разбиение как средство изменения структуры предложения (тональность), также выделяют просодически те или иные слова в синтагме (тоновость) и передают отношение говорящего (тон). Однако существенным должно быть языковое наполнение этих общих схем. В этом отношении наиболее интересными представляются места книги, посвященные стопе (см. выше), вообще — ритму в целом.

Как уже говорилось, вторая часть книги («Интонация и грамматика») опирается на большую статью автора о категориях грамматики. Однако эта статья М. Хэллiday не касается содержательной стороны грамматики языка. А именно — она может быть названа работой об основных категориях грамматики вообще, понимаемая под этим вовсе обязательно грамматику естественного языка, но грамматику любого семиотического устройства²⁶. Так, в этой статье выделяется тип категорий — единицы, структура, класс, система; определяются разные степени абстракции, выделяются первичные начала анализа — форма, субстанция, контекст²⁷. Грамматическим, по Хэллiday, является та часть языка, которая не относится непосредственно к субстанции. Т. е. грамматика понимается очень широко.

²⁶ О грамматике таких систем см. статью Т. М. Николаевой «О грамматике языковых коммуникаций» («Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969).

²⁷ M. A. K. Halliday, Categories of the theory of grammar.

ко, а ее содержательная часть остается неопределенной.

Вторая часть книги посвящена распределению трех просодических систем по значениям, которые для них существуют. При этом М. Хэллiday оговаривает тот факт, что рассматриваются не только «привычные» грамматические контрасты, но и такие противопоставления, которые вообще дифференцируются посредством интонации.

Посредством тональности определяется число информационных единиц в предложении, например // *I saw John yesterday* // — одна информационная единица, // *I saw John/yesterday* // — две информационные единицы. Тональность также выделяет особо отрицание, что меняет структуру предложения: // *I/didn't/come because he/told me*. Разное выражение тональности меняет также схему сложного предложения: когда придаточное предложение выделено, появляется новое тоновое (и смысловое!) отношение. Ср. // *We never saw John/who arrived late* // и // *We never saw John/who arrived late* // (стр. 35). При этом М. Хэллiday различает дополнительные оппозиции, накладываемые на тоновое членение выбором локуса ударения (тональности) и движением тона. Так, конструкция // *I saw/John/ yesterday* //, по выражению М. Хэллiday, представляет собой полторы информационных единицы, конструкция // *I/saw/John/yesterday* // — две информационных единицы, конструкция // *I/saw/John/yesterday* // — одну информационную единицу (стр. 37).

Функция тоновости, как уже говорилось, состоит в выделении информационного фокуса тоновой группы, который может быть маркированным (см. выше) и немаркированным. Немаркирован фокус информации в конструкции // *I/saw/John on/ Tuesday*, маркирован в конструкции // *I/saw/John on/ Tuesday* // и т. д. Более детальные значения тоновых оппозиций М. Хэллiday показывает, в частности, на примерах сложных английских глагольных форм, где перенос ударения с основной формы на вспомогательную меняет фокус и вносит дополнительный смысл. Строго говоря, различая маркированную/немаркированную тоновость, М. Хэллiday не учитывает еще одного маркированного случая — когда информационный фокус находится именно на последнем значащем слове (т. е. как бы немаркированной ситуацией). Например — *Он был спрошен* и *Он был спрошен*. Т. е., иначе говоря, М. Хэллiday не различает логическое ударение, которое в принципе может быть на любом слове синтагмы, и синтагматическое ударение и, следовательно, тот случай, когда логическое ударение занимает место обычного синтагматического (*Он был спрошен*). Самое значительное место во второй части книги занимает анализ тоно-

вых противопоставлений. Это естественно, так как функции тональности и тоновости можно характеризовать кратко как членение (тональность) и выделение (тоновость). Каждая из этих двух систем располагает в качестве нейтрального члена оппозиции нулевым, точнее негативным, показателем, т. е. выделено/невыделено и т. д. Система тонов гораздо более сложная. Так, пять основных тонов противопоставляются друг другу парно, каждое противопоставление имеет смысл. Ареной этих противопоставлений являются разные синтаксические типы предложений, причем одно и то же противопоставление (скажем 4 тон — 1 тон) в рамках разных синтаксических типов имеет разную интерпретацию.

Всего М. Хэллiday выделяет следующие синтаксические типы: 1) утвердительные предложения; 2) вопросительные предложения с вопросительным словом; 3) вопросительные предложения без вопросительного слова; 4) повелительные предложения; 5) отрицательные и повелительные; 6) так называемые «минимальные предложения»²⁸ и 7) вокативные конструкции.

Разные комбинации тонов создают разные значения. Так, для вокативных конструкций тон 1 — команда, тон 2 — вопрос, тон 3 — предупреждение, тон 3 «расчлененный» (*Jo—ohn*) — мягкая команда, тон 4 — немаркированная тема, тон 5 — настойчивая команда и упрек (стр. 47).

Во многих случаях даются отсылки на такое же значение в другой синтаксической группе, так что в целом, в отличие от первой части, вторая часть представляется композиционно более громоздкой и запутанной. В конце книги перечисляются в порядке появления на страницах текста все иллюстрации (представленные в перечне лишь номерами) с следующей информацией: 1) где представлена оппозиция — предложение, придаточное предложение, тоновая группа, 2) тип синтаксической структуры (см. выше), 3) выражаемый контраст — по функции, 4) название оппозиции — перечисление, мягкость тона, нейтральность, эхо-вопрос и т. д., 5) тип тонового выражения, 6) какими из трех систем просодии выражается. Этот перечень, где многие термины повторяются, также сложен. Вместо него в конце книги хотелось бы видеть другое — перечень исходных «значений» и перечень просодических «форм», соответствующих этим значениям. Кроме того, сами эти значения явно разнотипны; так, очевидно, что эхо-вопрос, мягкость,

²⁸ Об этих предложениях см.: Т. М. Николасева, [рец. на кн.:] E. Bowman, The minor and fragmentary sentences of a corpus of spoken English, ВЯ, 1968, 2.

упрек — явления разных планов. Таблица в конце книги также слишком сложна, так как сочетает все перечисленные выше измерения. В книге имеется небольшая библиография (30 названий), в которой нет ряда специальных работ по английской интонации — Велдса, многих статей Болингера, Халле, Трейджера, Воде, Курата; в эту же библиографию включено несколько работ по общей фонетике, по английскому синтаксису и по частным проблемам просодии.

В заключение хотелось бы поставить вопрос более общего характера. Именно ко второй части книги, которая, по замыслу автора, и должна продемонстрировать достижения непреходящего формального подхода, можно адресовать упрек в неопределенности описания по специфичности, имея в виду именно языковую

специфичность. Однако по этому поводу можно возразить: ведь в обычных грамматиках любого языка, например, в разделе «Синтаксис» и сообщаются сведения неспецифического по отношению к языку характера — о том, что в данном языке есть подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д. Собственно языковая часть в таких книгах представляет собой лишь список иллюстраций к указанным типам. Т. е., говоря иначе, вопрос ставится так — должно ли любое монографическое описание быть не только исчерпывающим, но и дифференцирующим? Должен ли в предлагаемом описании одного языка присутствовать, хотя бы в скрытом виде, типологический аспект, включая в качестве типологических именно потенциально различающие критерии?

Т. М. Николаева

Talāt Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic.—Bloomington, Published by Indiana University, 1968. 419 стр. («Uralic and Altaic Series», 69)

Рецензируемая книга содержит систематическое описание фонологии, грамматики (морфологии и синтаксиса) и лексики пяти древнетюркских рунических памятников: в честь Кюльтегина, Бильге-кагана, Тоньокука, Онгиский камень, Кул-чур (Т. Текин: Küli Cor); она представляет собой докторскую диссертацию турецкого ученого Т. Текина (защита состоялась в 1965 г. в университете г. Лос-Анжелес, Калифорния, США), который последние годы читает тюркологические курсы в университете г. Беркли, Калифорния, США.

Книга состоит из следующих основных разделов: Введение (стр. 7—20); I. Письмо (стр. 21—47); II. Фонология (стр. 50—102); III. Морфология (стр. 103—197); IV. Синтаксис (стр. 199—213); V. Грамматический индекс (стр. 215—228); VI. Тексты (указанных пяти памятников в латинской транскрипции — стр. 229—258). Перевод (на английский язык, стр. 259—295); VII. Глоссарий (стр. 229—408); VIII. Библиография (стр. 411—419).

Фонология и грамматика, как об этом пишет автор в своем предисловии, излагаются по плану, принятому в «*Philologiae turcae fundamenta*», I (Wiesbaden, 1959).

Введение начинается с определения термина «орхон-тюркский (Orkhon Turkic)». «Этим термином, — пишет Т. Текин, — мы обозначаем древнетюркский диалект (the old Turkic dialect), на котором говорили тюрки или, как их называли китайцы, т'у-к'юэ (точнее: туцзюэ. — А. К.), обитавшие в основном в Монголии в первой половине VIII столетия н. э.

Этот диалект был несомненно официальным языком Второй Восточной тюркской империи [the second East Turkic Empire (ca. 680—740)]¹ и был, конечно, всего лишь естественным продолжением древнетюркского диалекта, на котором ранее говорил тот же самый народ в том же самом ареале. Орхон-тюркский — старейший тюркский диалект, на котором писались надписи, дошедшие до нас» (стр. 7).

Это прямое утверждение о преемстве языка орхон-тюркских памятников, якобы являющегося «продолжением древнетюркского диалекта», упрощенно объясняет сложный процесс образования и развития литературного языка, дошедшего до нашего времени в текстах указанных выше пяти древнетюркских памятников, язык которых Т. Текин называет «официальным диалектом Второй Восточной тюркской империи» (см. ниже).

Язык этих памятников, очень близкий по своим фонологическим и лексическим признакам, представляет собою литературный вариант, возникший на основе ряда близкородственных древнетюркских диалектов, на которых говорили тюркские племена, входившие в состав Второго (восточного) тюркского каганата; каждый племенной диалект имел, конечно, свои специфические особенности, что может быть подкреплено, например, следующими соображениями.

Текст памятника в честь Кюльтегина был составлен, как известно, его родст-

¹ Точнее: 681—744 гг.